

Владимир Викторович КУЛАКОВ в 1994 г. окончил юридический факультет филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Ульяновске.

В 1997 г. окончил аспирантуру Ульяновского государственного университета.

С 1995 по 2004 г. — ассистент, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета (бывший филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ульяновске).

С 2004 г. работает на кафедре гражданского права Российского государственного университета правосудия. В 2021 г. назначен ректором Российского государственного университета правосудия.

Автор более 125 работ, в том числе монографий, статей, учебников, учебных пособий. Сфера научных интересов: гражданское право, обязательственное право.

Член Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи.

Награжден почетной грамотой и медалью «За содействие» Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Профессор, доктор юридических наук.

В последнее время наши суды столкнулись с рядом проблем, которые заставляют задуматься о признании страхования в качестве способа обеспечения исполнения обязательств или по крайней мере некоторых их свойств

Владимир Викторович Кулаков,

ректор Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор

— За прошедшие 10 лет нормы ГК РФ, посвященные обеспечению обязательств, подверглись значительным изменениям, а многие вопросы получили ответы в постановлениях высших судебных инстанций. На Ваш взгляд, какие проблемы по-прежнему сохраняются в существующем регулировании и чему законодатель должен уделить внимание в самое ближайшее время?

— Обеспечение исполнения обязательств как институт гражданского права действительно весьма востребовано на практике, что объясняется бурным развитием за последние годы рынка кредитования. Следовательно, возросло и количество споров, рассматриваемых в судах, и количество проблем, с которыми сталкивается юридическое сообщество и которые требуют глубокого изучения.

Среди этих проблем нужно назвать использование непоименованных способов обеспечения, в частности так называемой обеспечительной купли-продажи; возможность признания обеспечительной функции за страхованием с вытекающими отсюда последствиями. Нельзя не отметить и проблему арестного залога (п. 5 ст. 334 ГК РФ), который уже на протяжении нескольких лет вызывает бурные дискуссии в юридическом сообществе.

Бросается в глаза формулировка ст. 10 Закона об ипотеке¹, которая до сих пор содержит требование о государственной регистрации договора ипотеки, хотя в силу Федерального закона от 21.12.2013 № 367-ФЗ такая регистрация не требуется с 1 июля 2014 г.

Помимо этого, есть ряд вопросов, которые касаются скорее не регулирования, а применения отдельных положений закона. Например, в п. 2 ст. 335 ГК РФ определяются последствия передачи в залог имущества лицом, не имеющим на это права. Закон предусматривает сохранение залога, если залогодержатель не знал и не мог знать, что залогодатель не имеет права на передачу имущества в залог. Однако залог прекращается независимо от знания залогодержателя, если предмет залога выбыл из обладания собственника помимо его воли. Такие оценочные формулировки влекут за собой многочисленные споры, в том числе относительно передачи в залог совместно-го имущества супругов.

Как представляется, именно эти направления требуют повышенного внимания.

— Перед современной юридической наукой давно уже стоит проблема снижения неустойки, установленной соглашением сторон. Результатом поиска оптимального правового решения в этой части стали ряд позиций высших судов и реформа ст. 333 ГК РФ. Однако теоретически угрозой для проведенных изысканий является знаменитое Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»: одним из его нововведений

¹ Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

стала концепция несправедливых договорных условий, которую судебная практика перепрограммировала в очередной способ борьбы с неустойками. Какими, по Вашему мнению, должны быть критерии разграничения и способы согласования данных механизмов?

— В логике есть такое понятие, как «пересекающиеся множества». Конечно, к несправедливым условиям (*unfair terms*) может относиться и условие о договорной неустойке, если оно нарушает баланс интересов сторон. Но это не значит, что договорная неустойка, которую суд снижает, всегда является несправедливой. Наш ГК, в особенности те его статьи, которые остались с первой редакции, имеет огромный потенциал, если чаще обращаться к смыслу его формулировок. Положения ст. 333 ГК РФ — это исключительная ситуация: как мы говорим в университете, происходит «судебное регулирование» правоотношения. Но ее понимают превратно и превращают неустойку в механизм оценки убытков.

Когда ст. 333 ГК РФ бесспорно должна применяться? Представьте, в договоре поставки установлен высокий размер штрафа за нарушение, не связанное с просрочкой. Этот штраф стимулирует соблюдать основные критерии надлежащего исполнения. Договор исполняется, но с таким нарушением, например, условия об упаковке, которое не оказывает существенного влияния на деятельность покупателя. Охватывалась ли упаковка волей сторон при согласовании размера штрафа? Видимо, нет. Должен ли покупатель взыскать штраф? Иногда он просто вынужден это сделать, например чтобы не получить упрек от аудитора. Но ведь нарушение достаточно формально и менее значимо, чем нарушение условия о качестве. Вот здесь и требуется, чтобы суд определил надлежащий размер.

— Как Вы считаете, насколько допустимо снижать неустойку, предусмотренную договором в споре с участием гражданина-потребителя, если лицо, допустившее неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, является индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность? Не должны ли в этом случае законодатели и судебные органы проявлять патернализм в отношении слабой стороны договора?

— Повторюсь, что снижение судом неустойки должно быть исключением. Нельзя упрощать причины особого статуса потребителей до категории слабой стороны договора. У нас в университете много лет разрабатывается эта тематика на стыке теории и практики. Одной из теорий, хорошо описывающих сферу защиты прав потребителей, является теория сети договоров, когда мы видим взаимосвязанность правоотношений между различными потребителями и одним продавцом или исполнителем. На практическом уровне это можно объяснить так: количество потребителей, обращающихся за административной и тем более судебной защитой, всегда меньше количества тех, чьи права нарушены. То есть санкции за нарушение договора с потребителем не должны компенсироваться выгодой от нарушения прав тех, кто в суд не пошел. Уверен, что огромное число ваших читателей, хотя и являются высокопрофессиональными юристами, не идут судиться, когда их права потребителя нарушают. Как тогда сдерживать предпринимателя от соблазна увеличить прибыль за счет нарушения прав потребителей? Только превентивной функцией серьезных санкций — таких, чтобы выгода от нарушения прав потребителей-молчунов не покрывала расходы на уплату неустоек по-

требителям-сутяжникам. Поэтому надо быть крайне осторожными в вопросе снижения размера неустойки. Следует иметь в виду, что неустойка названа в законе в качестве способа обеспечения исполнения обязательств и, соответственно, выполняет и стимулирующую функцию, нивелирование которой вряд ли целесообразно.

— Появление в ГК РФ п. 5 ст. 334 о залоге в силу ареста изначально вызывало серьезные споры среди ученых и юристов-практиков. Эта норма относится к так называемым теневым поправкам и не имела широкого обсуждения до момента принятия. А как Вы относитесь к данному виду залога?

— Включение в текст ГК РФ п. 5 ст. 334, устанавливающего еще одно основание возникновения залога, вызвало много вопросов, особенно в контексте его применения при банкротстве должника.

В научной литературе справедливо отмечается, что данный вид залога получил широкое распространение в зарубежных правовых системах.

Целесообразность введения данного вида залога представляется весьма сомнительной. Он мог бы иметь смысл в том случае, если бы применялся в банкротстве и предоставлял лицу, в пользу которого наложен арест, права залогодержателя. Однако Верховный Суд РФ вполне обоснованно отказался от признания за таким кредитором статуса залогового². Поэтому во многом такой залог теряет смысл.

Кроме того, содержание самой нормы, закрепленной в п. 5 ст. 334 ГК РФ, создает дополнительные сложности в ее толковании. Можно сказать, что законодатель рассматривает указанную конструкцию скорее не как вид залога, а как некое правоотношение, к которому могут применяться правила о залоге.

Тем самым залог в силу ареста имеет усеченное действие, и в его нынешнем виде вряд ли актуален для современного гражданского оборота.

— Как Вы относитесь к идее легализации арестного залога в делах о банкротстве?

— Как я уже сказал, пожалуй, главный вопрос по поводу арестного залога заключается в том, каков правовой режим такого залога в делах о банкротстве. С одной стороны, сама по себе формулировка п. 5 ст. 334 ГК РФ не исключает того, что кредиторы, имеющие такой залог, как-то отличаются от классических залоговых кредиторов в банкротстве. С другой стороны, стоит учитывать реальную правоприменительную практику. Так, Верховным Судом РФ была сформирована позиция, что запрет на распоряжение имуществом не порождает таких залоговых свойств, которые позволяют кредитору получить приоритет при удовлетворении его требований в процедурах банкротства.

Если говорить о перспективах и целесообразности изменения сложившегося в практике подхода, то идея легализации арестного залога в делах о банкротстве представляется неоправданной. Что характерно, в п. 8–11 проекта федерального закона

² См.: Определение СКЭС ВС РФ от 27.02.2017 № 301-ЭС16-16279 по делу № А11-9381/2015.

№ 1172553-7, которым предлагается существенно реформировать Закон о банкротстве³, содержатся положения, допускающие появление арестного залога в банкротном законодательстве. Однако, помимо ломки складывающейся судебной практики, такое изменение сопряжено и с иными проблемами.

Дело в том, что арестный залог отличается по существу от традиционного залога, на что справедливо было обращено внимание Судебной коллегии по экономическим спорам. Логика банкротного законодательства тоже не способствует легализации арестного залога. В процедурах банкротства предполагается снятие арестов (см. подп. 3 п. 1 ст. 64 и абз. 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве). Далее, если банкротство основано на принципе равенства кредиторов, то легализация арестного залога фактически приведет к неравенству кредиторов одной очереди, поскольку самые проворные кредиторы, быстрее всех добившиеся ареста, получают преимущество по сравнению с остальными кредиторами. Учитывая, что по статистике конкурсные кредиторы получают совершенно незначительное удовлетворение своих требований, выделение среди равных кредиторов особых «арестно-залоговых» кредиторов видится неоправданным. Смущает также механизм, в силу которого от дискретных решений органов публичной власти будут фактически зависеть имущественные права широкого круга кредиторов. Представляется, что такой подход в целом не соответствует принципам права, регулирующим правоотношения в сфере несостоятельности (банкротства).

— Определенные опасения в этой части также вызывает определение момента возникновения каждого «арестного» залога: по п. 5 ст. 334 ГК РФ это «момент вступления в силу решения суда», удовлетворившего требования, по п. 94 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» — дата наложения ареста судом или судебным приставом-исполнителем. Момент возникновения «арестного» залога также определяется и нормами Налогового кодекса РФ, и проектом федерального закона № 1172553-7. Какое решение в данном случае кажется Вам оптимальным?

— Действительно, в п. 5 ст. 334 ГК РФ говорится лишь про решение суда. Однако в п. 94 Постановления № 25 было дано корректирующее толкование нормы ГК РФ. Было отмечено, что «арестный» залог может возникать при принятии решения не только судом, но и судебным приставом-исполнителем.

Несмотря на то, что в банкротных делах «арестный» залог не создает приоритет для соответствующих кредиторов, сам по себе он может быть важен применительно к другим сферам. Поэтому можно говорить о дифференцированном подходе к установлению залога в разных ситуациях возникновения обеспечительного и исполнительского «арестного» залога. Как видится, в п. 5 ст. 334 ГК РФ речь идет об обеспечительном «арестном» залоге. Однако если арест накладывается на стадии исполнительного производства, то и момент возникновения такого «арестного» залога должен быть другим, он не должен быть привязан именно к моменту вступления в силу решения суда. В случае исполнительского «арестного» залога речь должна идти о моменте, когда пристав-исполнитель накладывает запрет. Такая же логика, на мой взгляд, должна работать и в отношении п. 2.1 ст. 73 НК РФ. Кроме того, еще стоит учитывать и

³ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

особенности возникновения залога, которые предусмотрены специальными нормами. Так, в ст. 339.1 ГК РФ закреплено, что в ряде случаев залог подлежит государственной регистрации и возникает с момента такой регистрации. В силу специальной нормы «арестный» залог, накалываемый на отдельные виды объектов, права на которые подлежат государственной регистрации, должен возникать с момента такой регистрации независимо от лиц или органов, которые принимают соответствующие решения.

— Существуют ли перспективы развития у титульных способов обеспечения обязательств, в настоящий момент не поименованных в законе? С какими рисками могут столкнуться участники оборота, излишне полагающиеся на принцип договорной свободы?

— Вопрос очень актуальный. Способы обеспечения, именуемые условной запродажей, обеспечительной куплей-продажей и т.п., известны многим право порядкам и, по сути, являются повторением древнеримской фидуции. Передача должником в собственность кредитору своего имущества по договору купли-продажи, но с условием обратной продажи при исполнении им своей обязанности, как правило, объясняется рядом недостатков в правовом регулировании залога. Верховный Суд РФ за последние несколько лет неоднократно сталкивался с проблемой такого титульного обеспечения. Так, в Определении от 29.10.2013 № 5-КГ13-113 была сформулирована позиция, согласно которой стороны договора займа, исходя из положений ст. 421 ГК РФ о свободе договора, вправе предусмотреть в качестве способа обеспечения исполнения обязательства куплю-продажу недвижимого имущества под условием, по которому переход права собственности на объект недвижимости может ставиться в зависимость от исполнения должником (заемщиком) обязанностей по договору займа, а сумма займа является одновременно покупной ценой по договору купли-продажи объекта недвижимости. В дальнейшем подход изменился⁴, Верховный Суд РФ посчитал использование такого способа обеспечения недопустимым и квалифицировал данную сделку как притворную, прикрывающую договор займа и договор залога. Действительно, обеспечительная купля-продажа создает определенный риск угрозы правам должника.

Одним из важнейших свойств залога является то, что кредитор вправе получить удовлетворение за счет стоимости заложенного имущества. В качестве общего способа реализации предмета залога выступает его продажа на торгах. И лишь в качестве исключения допускается обращение взыскания на предмет залога путем оставления его за собой, если это предусмотрено соглашением между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность (п. 3 ст. 350.1 ГК РФ), а также при объявлении повторных торгов о продаже заложенного имущества несостоявшимися (п. 5 ст. 350.2 ГК РФ). Цель проведения торгов в данном случае состоит в том, чтобы имущество было реализовано по объективной рыночной цене и кредитор не получил необоснованной выгоды, а лишь компенсировал свои имущественные потери. При обеспечительной купле-продаже вполне вероятно, что такая соразмерность может быть нарушена, поскольку стоимость вещи может в разы превышать размер обязательства должника.

⁴ См.: Определения СКГД ВС РФ от 21.11.2017 № 5-КГ17-197; от 09.01.2018 № 32-КГ17-33.

Кроме того, наличие у кредитора статуса собственника открывает ему возможности для распоряжения таким имуществом, в частности для дальнейшей его продажи, что также ставит должника в крайне уязвимое положение.

Таким образом, титульное обеспечение могло бы иметь перспективы, но должны быть решены указанные вопросы и обеспечен разумный баланс правовых интересов должника и кредитора.

— Нередки случаи, когда правовые решения, выработанные оборотом и затем подтвержденные судебной практикой, воспринимаются законодателем и получают закрепление в позитивном праве. На Ваш взгляд, есть ли такие перспективы у способов обеспечения обязательств, в настоящий момент не названных в законе?

— Отвечая на данный вопрос, более подробно остановлюсь на обеспечительной функции страхования. В последнее время наши суды столкнулись с рядом проблем, которые заставляют задуматься о признании страхования в качестве способа обеспечения исполнения обязательств или, по крайней мере, некоторых их свойств.

Несколько лет назад встал вопрос о том, подлежит ли возврату часть страховой премии при досрочном исполнении кредитного договора, если договор страхования был заключен в обеспечение кредитного договора. Верховный Суд РФ в 2019 г. выпустил Обзор судебной практики⁵, в Закон о потребительском кредите⁶ были внесены изменения, предусматривающие, что в случае досрочного исполнения обязательства должником страховщик обязан по заявлению заемщика возратить страховую премию, исчисляемую пропорционально времени, в течение которого заемщик являлся застрахованным лицом по указанному договору (ч. 10 ст. 11).

Сегодня имеет место еще одна проблема, которая напрямую коррелирует с обеспечительной функцией страхования: обязан ли кредитор, как правило банк, являясь выгодоприобретателем по договору личного страхования жизни заемщика, обращаться в случае смерти заемщика за получением страховой выплаты или это является его правом и он может предъявить требование об исполнении обязательства наследникам? Если руководствоваться формальными предписаниями закона, то обращение за страховым возмещением является правом кредитора, поскольку обязательство по страхованию и кредитный договор между собой не связаны. Вместе с тем целью заключения договора страхования в таком случае является именно защита интересов кредитора, поэтому можно признать, что страхование в определенном смысле выполняет обеспечительную функцию.

Данный вопрос требует урегулирования, поскольку суды сталкиваются с такой проблемой и на данный момент единства в судебной практике нет. Верховный Суд РФ неоднократно рассматривал такие споры, и позиция менялась. Например, в 2020 г. было указано, что «обращение выгодоприобретателя за получением страхового возмещения является именно его правом, а не обязанностью, если иное не предусмо-

⁵ Обзор практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита (утв. Президиумом ВС РФ 05.06.2019).

⁶ Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)».

тreno законом или добровольно принятым на себя обязательством»⁷. Однако затем Верховный Суд РФ несколько изменил подход и уже в 2021 г. указал, что «суды должны были установить не только факт присоединения заемщика к программе коллективного добровольного страхования жизни и здоровья заемщиков Банка, так и факты того, осуществил ли Банк свои права по договору личного страхования как выгодоприобретатель на случай смерти заемщика, была ли произведена выплата страховщиком страхового возмещения Банку и в каком размере, а если нет, то перешли ли к наследникам заемщика и в каком объеме права требования исполнения договора личного страхования»⁸.

Думается, что судебная практика в данном случае должна послужить триггером для внесения изменений в законодательство.

— Знаковым стало принятое Пленумом Верховного Суда РФ 24 декабря 2020 г. Постановление № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве». Можно ли назвать его завершением длинного процесса «усвоения» реформы ГК в абстрактных разъяснениях ВС РФ?

— Данное Постановление является весьма важным этапом развития правоприменительной практики по вопросам применения законодательства о поручительстве, оно аккумулировало и те позиции, которые уже существовали в судебной практике и были отражены в других документах, и ряд нововведений.

Прежде всего оно подчеркивает, что к поручителю, исполнившему обязанность перед кредитором, переходят права и обязанности кредитора по модели суброгации, это проявляется в порядке исчисления сроков исковой давности (которые продолжают течь), переходе к поручителю прав по обеспечению.

Были предложены критерии разграничения совместного и раздельного поручительства, что имеет важное практическое значение, и был выделен такой критерий признания поручительства совместным, как аффилированность поручителей.

Также Постановление подробно разъясняет последствия изменения обеспечиваемого обязательства в соответствии с теми изменениями, которые произошли в 2015 г. Было указано, что согласие поручителя на изменение своей ответственности в будущем должно иметь определенные пределы в размере исполнения.

Таким образом, на данный момент Постановление действительно стало завершением длительного процесса развития правоприменительной практики, что должно привести к единообразию судебной практики.

— Пункт 3 ст. 361 ГК РФ закрепляет для профессиональных коммерсантов возможность «глобального поручительства», обеспечивающего в том числе все будущие обязательства должника в пределах определенной суммы. При этом закон не объясняет, как при возникновении в будущем множественности обязательств, совокупно превышающих установленную в соглашении сумму, опреде-

⁷ Определение СКГД ВС РФ от 19.05.2020 № 19-КГ20-8, 2-243/2018.

⁸ Определение СКГД ВС РФ от 25.05.2021 № 49-КГ21-14-К6, 2-4172/2019.

лять те, которые будут считаться обеспеченными. Будут ли все обязательства считаться обеспеченными в части или решение этого вопроса должно стать дискрецией кредитора?

— Действительно, для отношений по типу *business-to-business* возможно поручительство, охватывающее все будущие обязательства. Что дает такое поручительство кредиторам? Больше возможностей получить исполнение. Мне кажется, что смыслу регулирования и предпринимательской логике в наибольшей степени будет соответствовать темпоральный критерий, который применяется, например, в отношении текущих платежей одной очереди при банкротстве: обязательства обеспечиваются в порядке возникновения. Если я заключаю договор с таким коммерсантом, а у него сумма поручительства уже потенциально исчерпана, то он по логике п. 3 ст. 307 ГК РФ обязан предупредить, что шансов получить удовлетворение за счет поручителя у меня не так много.

— Существует дискуссия относительно того, возможно ли взыскание непереданного обеспечительного платежа. Ответ на этот вопрос зависит от того, является ли такой платеж реальной или консенсуальной сделкой. Какой позиции придерживаетесь Вы?

— 10 лет назад в докторской диссертации я доказывал, что реальный договор — это исключение. Такая исторически обусловленная надстройка над обычным консенсуальным договором, когда самый первый этап исполнения вынесен за рамки договора. Поэтому для каждой новой сделки я исхожу из презумпции ее консенсуальности и только потом начинаю искать, нет ли явно выраженных признаков реального характера. В ст. 381.1 ГК РФ говорится, что обязательство обеспечивается «внесением». Соответственно, пока нет внесения, нет и обеспечения. Похоже на реальную сделку? Вполне. Но ведь речь идет об акцессорном обязательственном правоотношении. Представьте, я заключаю договор и рассчитываю на обеспечительный платеж. Сам договор заключен, основное обязательство возникло, а появилось ли обязательство акцессорное? Ценность какого предоставления по договору выше — обеспеченного или нет? Конечно, обеспеченного. Значит, без внесения платежа представление по договору не соответствует моим ожиданиям, моей воле, воплощенной в договоре. Так что лишний раз разрывать момент заключения договора и момент обеспечения возникшего из него обязательства не стоит. Коль скоро консенсуальность является общим правилом, а реальность — исключением, то, полагая, следует исходить из консенсуальности соглашения об обеспечительном платеже. То есть возможно присуждение к исполнению в натуре — взыскание непереданного платежа.

— Какой, на Ваш взгляд, должна быть судьба обеспечительного платежа в случае банкротства кредитора?

— Стоит сказать, что определение судьбы обеспечительного платежа является проблемой не только в случае банкротства кредитора, но и в случае банкротства должника. В случае банкротства кредитора (по обязательству) для должника основная опасность может заключаться в том, что переданные денежные средства становятся частью конкурсной массы. Поскольку само по себе введение процедур банкротства не свидетельствует о расторжении договора (основного обязательства), у должника по обязательству не возникает право потребовать возврат обеспечительного платежа.

Подобный подход был обозначен, например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 23.03.2020 № Ф05-4364/2019 по делу № А40-248870/2018. Здесь проявляется свойство акцессорности обеспечительного обязательства. Конечно, если представить ситуацию, в которой основное обязательство прекращено до банкротства кредитора, то должник по обязательству по общему правилу приобретает право на возврат обеспечительного платежа. Думаю, что в таком случае должник по обязательству может претендовать на включение своего требования в реестр требований кредиторов. Но вряд ли стоит предоставлять должнику по обязательству, обеспеченному обеспечительным платежом, особые привилегии, как, например, кредиторам, чьи требования обеспечены залогом.

— Возможность обеспечения исполнения уже возникшего деликтного обязательства с использованием конструкции обеспечительного платежа сомнений не вызывает. Но интересным с теоретической точки зрения видится вопрос о том, возможно ли внесение обеспечительного платежа во исполнение возможного к возникновению в будущем деликтного обязательства.

— После совершения деликта существует обычное денежное обязательство. На каком-то этапе особенности оснований возникновения — специфика юридических фактов — не влияют на дальнейшее существование правоотношения. Поэтому возможно обеспечить исполнение уже возникшего обязательства. Таким образом, осуществляется его «договорное регулирование». Но обеспечение исполнения будущего деликтного обязательства внесением обеспечительного платежа видится альтернативой страхованию ответственности, поэтому здесь следует быть осторожными. Не думаю, что заведомое получение индульгенции на случай причинения вреда соответствует критериям поведения сторон обязательства, к которым нас призывают ст. 10 и п. 3 ст. 307 ГК РФ, — добросовестности и содействию другой стороне.